

УДК 811.161.3

Чигирь Антон Владимирович

аспирант кафедры теории
и практики немецкого языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Anton Chyhir

PhD Student of the Department of Theory
and Practice of the German language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу средств выражения категории собирательности в современном белорусском языке. Представлены грамматические и лексические маркеры собирательного значения. Особое внимание уделяется словообразовательным аффиксам, использующимся для деривации собирательных существительных. Рассматриваются критерии выделения лексем, обладающих значением собирательности, и разделения их на два класса. Также приводятся примеры числительных с семантикой собирательности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *категория собирательности; белорусский язык; словообразование; собирательные существительные; собирательные числительные.*

THE MEANS OF THE CATEGORY OF COLLECTIVITY IN THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of the means of the category of collectivity in the modern Belarusian language. Grammatical and lexical markers of collective meaning are presented. Special attention is paid to the word-formation affixes used for derivation of collective nouns. Criteria for identifying lexemes with collective meaning and their division into two classes are considered. Examples of numerals with collective semantics are also provided.

Key words: *category of collectivity; the Belarusian language; word formation; collective nouns; collective numerals.*

Собирательность является одним из универсальных феноменов, который находит свое определение в рамках логики и лингвистики. Традиционно собирательность рассматривается как понятийная категория, которая отражается в языке, демонстрируя особый способ концептуализации множества как единого целого [1, с. 473]. Понимание механизмов реализации категории собирательности в конкретном языке позволяет глубже проникнуть в особенности национальной языковой картины мира и специфику взаимодействия мышления и языка. Несмотря на то, что отдельные средства выражения категории собирательности в белорусском языке уже затрагивались в работах различных лингвистов, полноценного анализа разноуровневых средств, входящих в данную категорию, проведено не было. Таким образом, современный белорусский язык представляет особый интерес для анализа маркеров собирательного значения.

Настоящая статья посвящена системному описанию средств выражения категории собирательности в современном белорусском языке. Ее цель – систематизация и анализ грамматических и лексических единиц, служащих для передачи значения собирательности.

Необходимо отметить, что одним из способов выражения значения собирательности в белорусском языке являются словообразовательные аффиксы. Присоединяясь к основам существительных и прилагательных, они формируют новые существительные с четко выраженным значением собирательности. К словообразовательным элементам, передающим значение собирательности, относятся суффиксы *-ств/-цтв-*, *-j-*, который встречается в собирательных существительных, оканчивающихся на *-е*, *-ё* или *-’ё*, *-ом/-ат-*, *-нік/-нік*, *-няк*, а также заимствованный аффикс *-ур-*.

Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные суффиксы используются для образования собирательных существительных с определенными семантическими компонентами. К примеру, аффикс *-ств/-цтв-* используется для образования собирательных существительных, обозначающих совокупность людей, объединенных по профессиональному или социальному критерию, а также по иному признаку, связанному с определенной деятельностью или состоянием, что можно проиллюстрировать такими примерами, как *сялянства*, *студэнцтва* и *казацтва*.

В своей статье, посвященной морфонологическим аспектам исследования производных существительных с данным суффиксом, С. Г. Хвесько указывает на общеславянское происхождение этой морфемы. Автор также подчеркивает, что особенности присоединения данного аффикса, связанные с возникновением чередования и других явлений на стыке производящей основы и суффикса, исторически обуславливаются наличием редуцированного гласного в составе морфемы [2, с. 55–56].

Как отмечает М. И. Ярмаш, в белорусском языке существуют два омонимичных типа существительных с формантом *-ств/-цтв-*, поскольку при помощи этого суффикса наряду с собирательными образуются также абстрактные существительные [3].

В отличие от аффикса *-ств/-цтв-*, благодаря которому образуются собирательные имена существительные, называющие множества, состоящие из людей, суффикс *-j-* служит для деривации собирательных лексем, обозначающих совокупности растений или животных, например, *груганнё*, *галлё* или *звяр’ё*. Данный формант также участвует в образовании собирательных существительных, обозначающих разрозненные совокупности неодушевленных предметов, часто состоящих из мелких частей, к примеру, *смецце* и *пер’е*. Как уже было отмечено нами ранее, данный аффикс не имеет однообразного графического выражения. Более того, среди ученых до сих пор ведутся споры касательно происхождения и обозначения данной морфемы в транскрипции.

По предположению В. И. Дегтярева, предшественником суффикса *-j-* является праиндоевропейский формант **-ǵō-*, служивший для субстантивации адъективных образований среднего рода, имевших значения притяжательности, свойства или происхождения. С течением времени на основе данной морфемы сформировался индоевропейский форматив **-ǵō(n)*, встречающийся в существительных среднего рода, который затем вошел в праславянский язык в качестве суффикса **-ъje* [4, с. 83]. Изначально суффикс *-ъje* сочетал в себе несколько значений и использовался для деривации собирательных и отвлеченных лексем, однако уже в праславянский период произошло разделение словообразовательных функций этого суффикса. Таким образом, для праславянского языка можно говорить о существовании нескольких суффиксов-омонимов *-ъje*, каждый из которых отвечал за выражение собирательности, отвлеченности или локально-временных значений.

С точки зрения исторического развития суффикс *-ие*, который является одним из вариантов морфемы *-ъje*, оказался особенно продуктивным в сочетании с основами страдательных причастий прошедшего времени. Это привело к образованию множества новых самостоятельных словообразовательных элементов в славянских языках, таких как *-ние*, *-ение*, *-тие*, которые используются для деривации существительных, обозначающих действия или состояния, например *пение* и *бытие* [4, с. 237–238].

В свою очередь, значение собирательности стало передаваться с помощью второго варианта праславянского суффикса, а именно формантом *-je*. Сегодня в своем неизменном виде он может быть обнаружен во множестве славянских языков, в которых он используется для образования собирательных существительных с такими же лексическими коннотациями, как и в современном белорусском языке: к примеру, в словенском языке сохранились фитонимы *brézje* ‘березняк’, *bréstovje* ‘берестовый лес’ и *búkovje* ‘буковый лес’ [4, с. 84].

Из-за исчезновения редуцированных гласных звуков в белорусском языке суффикс *-je* превратился в *-j-*, которому в современной белорусской фонетической системе соответствует звук [й]. А. И. Подлужный считает, что этот суффикс служит причиной возникновения удвоенных согласных: современные удвоенные согласные представляют собой сочетание двух одинаковых согласных фонем, в котором вторая согласная фонема является результатом ассимиляции фонемы /й/ до предыдущей согласной фонемы.

В пользу этой теории говорит также то, что в современном белорусском языке есть слова тех же самых тематических групп и грамматических рядов, в которых сохранился суффикс *-j-*, например, *пер’е* и *крылле*. Также в словообразовательных парадигмах некоторых слов с удвоенными согласными можно обнаружить чередование фонемы /й/ с той согласной фонемой, которая оказывается последней в сочетании одинаковых согласных фонем, к примеру, *ружжэ – ружэйны*, *суддзя – судзейскі* [5, с. 234].

В «Марфемным слоўніку беларускай мовы» (1989) суффикс *-j-* не обозначается эксплицитно, а передается соответствующим ему гласным звуком или непосредственно звуком [й], однако выделяется в отдельную морфему, например:

- 1) галлѐ – галл – ё;
- 2) звар'ё – звар – й – о;
- 3) смецце – смецц – е [6, с. 140, 235, 599].

Таким образом, аффикс *-j-* может быть обнаружен в составе собирательных существительных, оканчивающихся на *-е* и *-ё* после удвоенных согласных, а также в некоторых существительных после апострофа.

Интересны также безударный суффикс *-нік* и ударный суффикс *-няк*, участвующие в образовании названий совокупностей растений. Необходимо подчеркнуть, что в диалектных фитонимах суффикс *-нік* встречается чаще, чем *-няк*, хотя диалектизмы образованы по аналогии с лексемами литературного белорусского языка с похожей структурой. Таким образом, в современном белорусском языке можно обнаружить синонимичные пары фитонимов, состоящих из диалектизма и лексемы литературного языка, например, *ліпнік* – *ліпняк*; *хмызьнік* – *хмызняк* [7, с. 132].

Следующий аффикс со значением собирательности в белорусском языке – суффикс *-от/-ат-*, который является универсальным и используется для образования собирательных существительных, обозначающих как совокупность лиц, так и множество неодушевленных предметов, например, *галата*, *драбната* и *лістота*.

В заимствованных собирательных именах существительных встречается также суффикс *-ур-*, что можно проиллюстрировать на примерах *прафесура* и *апаратура* [8, с. 30–33].

Помимо словообразовательных элементов средствами выражения категории собирательности в современном белорусском языке служат также собирательные имена существительные. Несмотря на то, что они были выделены как отдельный класс лексики еще в середине восемнадцатого века М. В. Ломоносовым, у лингвистов до сих пор нет однозначного подхода к их определению [9, с. 409]. Поскольку существуют разнообразные подходы к описанию собирательных существительных и каждый из них предполагает опору на различные критерии классификации, расхождения в определении границ этого разряда слов и количества входящих в него единиц становятся неизбежными [10, с. 108].

В настоящее время основой для выделения собирательных существительных служит совокупность признаков, к которым относятся словообразовательный, морфологический, семантический и синтаксический критерии.

В роли словообразовательного критерия выступает наличие специфических аффиксов, которые были описаны выше. В соответствии с морфологическим критерием к собирательным именам существительным относят

лексемы, характеризующиеся неполной числовой парадигмой, то есть имеющие только форму единственного числа. В таком случае грамматическое единственное число отражает семантическое единство и неделимость обозначаемой ими совокупности.

Семантический критерий выделения собирательных существительных предполагает, что данные лексемы обозначают множество однородных объектов, концептуализируемое как единое целое, причем эти имена существительные должны коррелировать с наименованиями единичных элементов данного множества, а также с их формой множественного числа. Таким образом, собирательные существительные входят в состав словообразовательного ряда, состоящего из трех элементов, например, *клієнт* – *клієнтура* – *клієнты*. Такой подход к определению собирательных существительных был изначально предложен А. А. Реформатским и назван им правилом треугольника [11, с. 84–85].

Чтобы удовлетворять синтаксическому критерию, собирательные существительные должны согласовываться со сказуемым в единственном числе [8, с. 30].

Некоторые лингвисты указывают на то, что, несмотря на наличие четких формальных признаков для выделения собирательных существительных, к данному разряду могут относиться и лексемы, классифицируемые как собирательные исключительно по их значению, а не по форме. Именно поэтому И. Э. Еселевич предлагает считать семантический критерий приоритетным, подчеркивая, что грамматикализованные признаки собирательности непостоянны [12, с. 13–20].

В своей статье, посвященной сравнительному анализу собирательных существительных английского и белорусского языков, Т. В. Рудько предлагает выделять две группы существительных, принадлежащих к средствам выражения категории собирательности.

Первую группу составляют собственно собирательные существительные. Под ними подразумеваются имена существительные, образованные с помощью вышеперечисленных аффиксов с собирательным значением, или непроизводные, но четко обладающие семантикой совокупности. Основной грамматической приметой таких существительных является их употребление и согласование с глаголом только в форме единственного числа. Иными словами, собственно собирательные существительные удовлетворяют словообразовательному, морфологическому, семантическому и синтаксическому критериям. В качестве примеров таких существительных Т. В. Рудько приводит лексемы *бульбоўнік*, *люд*, *маладняк*.

Ко второй группе лексем, которые могут служить маркерами категории собирательности, относятся существительные с собирательным значением. Подобные имена существительные выражают значение множества лексически, но зачастую не имеют специфических словообразовательных формантов и могут обладать полной парадигмой числа и даже сочетаться с количе-

ственными числительными. Как отмечает Т. В. Рудько, многие существительные со значением собирательности полисемантичны, соответственно, в классификации участвуют их отдельные лексико-семантические варианты, как, например, у слов *пакаленне* и *народ* [8, с. 30-31].

Центральную роль в деривации существительных со значением собирательности как лексико-семантических вариантов уже существующих имен существительных играет метонимия. При этом у значительного количества существительных со значением собирательности присутствуют признаки регулярной полисемии, которая реализуется на основе следующих моделей:

1) модель «действие – собирательный деятель», например, лексема *адвакатура* изначально обозначала род деятельности адвокатов, а затем стала употребляться и в качестве наименования совокупности людей, осуществляющих эту деятельность [13, с. 68];

2) модель «материал – изделие из этого материала», что можно проиллюстрировать словосочетанием *сталовае серабро*, где лексема *серабро* обозначает посуду, изготовленную из одноименного металла;

3) модель «содержащее – содержимое», когда лексема, называющая помещение, начинает использоваться для обозначения объектов или людей, находящихся внутри, к примеру, *клас*, *аўдыторыя*, *архіў*;

4) модель «автор – произведения этого автора», когда имя собственное используется для обозначения как одного, так и нескольких художественных произведений, как, например, в словосочетании *чытаць Караткевіча* [14].

Необходимо также обратить внимание на особый случай метонимии, возникающей между производными существительными со значением собирательности, образованными от разных мотивирующих основ. Увидеть подобное можно на примере лексемы *настаўніцтва*. С одной стороны, она обозначает процесс учения, с другой – является существительным со значением собирательности, называющим совокупность учителей. Оба лексико-семантических варианта оказываются метонимически связаны между собой, но, хотя кажется, что они соответствуют модели регулярной полисемии «действие – собирательный деятель», были образованы от двух разных производящих основ: ЛСВ *настаўніцтва* 'педагогическая деятельность' был образован от глагола *настаўляць*, а ЛСВ *настаўніцтва* 'совокупность педагогов' – от существительного *настаўнік*. Как уже отмечалось нами ранее, суффикс *-цтва-* участвует в деривации как собирательных, так и абстрактных существительных, поэтому в своей статье А. Л. Новиков и М. А. Рыбаков высказывают предположение, что подобные лексико-семантические варианты с точки зрения словообразования можно рассматривать как два разных слова, каждое из которых имеет собственную мотивацию. Однако авторы подчеркивают, что данное явление еще недостаточно изучено [13, с. 68].

Важно также отметить, что передавать значение собирательности могут не только имена существительные, употребляющиеся исключительно в единственном числе (*singularia tantum*) или имеющие полную парадигму числа, но

и существительные, для которых характерна лишь форма множественного числа (*pluralia tantum*). Изучая существительные с граммемой только формы множественного числа в современном белорусском языке, О. В. Семенькевич отметила, что почти половина *pluralia tantum* относится к разряду существительных со значением собирательности [15, с. 138]. Автор также выделила отдельные группы *pluralia tantum*, упорядоченные на основе их семантических компонентов:

1) названия гетерогенных совокупностей, выраженные сложными существительными со второй частью, указывающей на тип объектов, входящих в состав множества. Зачастую второй компонент имени существительного, образованного сложением, определяет множественное число производной лексемы и привносит новый семантический компонент, например, значение множественности, как у существительных *полівітаміны* и *пасажыраперавозкі*, или сему неоднородности, что можно увидеть на примере слов *электраваары* и *тэхумовы*;

2) существительные, связанные с денежными средствами и выплатами. В качестве примера можно привести слова *адпускныя*, *аліменты*, *камандзіровачныя*, *прэміяльныя*;

3) названия разнородных совокупностей бытовых и хозяйственных объектов, таких как *дровы*, *камплектуючыя*, *пажыткі*;

4) гастрономические термины, обозначающие совокупности продуктов питания или напитков, что можно проиллюстрировать на примере слов *заедкі*, *запіткі* и *прысмакі*;

5) названия совокупностей графических знаков и текстов, такие как *грымзолі*, *даня* и *радкі*;

6) названия совокупностей звуков, к примеру, *вярхі*, *пазыўныя*;

7) названия построек, помещений и их частей, выступающих как нечто обобщенное, например, существительные *балясы* и *вышкі*;

8) социально-политическая лексика, обозначающая совокупности институций или медиа, что можно проиллюстрировать на примерах существительных *картэсы* и *СМІ*;

9) лексемы, называющие совокупности географических объектов или особенностей рельефа, к примеру, *выгаркі*, *выселкі*, *субтропікі*;

10) терминологические классификаторы, преимущественно из зоологии и ботаники, к примеру, *аднакапытныя* и *агрэставыя*;

11) названия множества отдельных растений, например, лексемы *браткі*, *званкі*, *брусніцы*, *дурніцы* и другие;

12) названия совокупностей растений и их частей, например, *высадкі*, *джунглі*, *зараслі*;

13) названия органов и частей тела человека и животных, представляемые как совокупности. К ним относятся *валасы*, *вантробы*, *кудлы*, *паджылкі* и другие;

14) названия множества лиц, объединенных по различным признакам, например, *блізкія, вярхі, кадры* [16, с. 99].

Как отмечает О. В. Семенькевич, обилие субстантивированных атрибутивных форм среди *pluralia tantum* с собирательным значением не случайно. Денотативной основой для лексикализации именно формы множественного числа является имплицитно присутствующий семантический компонент собирательности в структуре значения исходных лексических единиц. Таким образом формируются новые наименования, обеспечивающие более точную и экономичную передачу идеи совокупности [17, с. 60–61].

Помимо словообразовательных элементов и имен существительных значение собирательности в современном белорусском языке передают также собирательные числительные. Этот разряд имен числительных обозначает некоторое количество предметов или лиц как единое целое. Наиболее употребительными являются формы собирательных числительных, образованные от числительных от двух до десяти, а собирательные числительные *адзінаццацера* и *дванаццацера* встречаются только в разговорной речи. К разряду собирательных числительных в белорусском языке относятся также лексемы *абодва, абое, абедзве*. В то время, как остальные собирательные числительные не имеют категории рода, *абодва, абедзве* и *абое* сочетаются только с существительными, имеющими необходимую родовую принадлежность: так, форма *абодва* сочетается только с именами существительными мужского и среднего рода, *абедзве* согласуется лишь с существительными женского рода, а когда в одной ситуации имеются в виду лица и мужского, и женского пола, используется собирательное числительное *абое*.

Необходимо также отметить, что собирательные числительные вступают в синтаксическую связь только с определенными группами существительных. В частности, они сочетаются с названиями детенышей и некоторых взрослых животных, например, *двое ягнят* и *трое коней*, с именами существительными, употребляющимися исключительно в форме множественного числа, как, к примеру, *чацвёрэ сутак* и *пяцёра акуляраў*, а также с названиями лиц мужского пола и лексемами, называющими людей, что можно проиллюстрировать на примере *шасцёра вучняў* и *сямёра дзяцей*. Помимо этого, собирательные числительные вступают в связь с местоимениями или субстантивированными прилагательными и причастиями, что можно показать на примерах *усе васьмёра* и *дзевяцера невядомых* [18, с. 294–295].

Подводя итоги, можно заключить, что современный белорусский язык демонстрирует широкий спектр средств для выражения категории собирательности, охватывающий различные языковые уровни. Одну из ключевых ролей в этом играют словообразовательные элементы, представленные суффиксами *-ств/-цтв-, -j-, -ом/-ам-, -нік/-ннік, -няк* и *-ур-*.

Наряду с грамматикализованными единицами значение собирательности передается также и лексически, например, с помощью собственно собирательных существительных и имен существительных со значением собирательности. Семантический анализ позволяет выделить различные группы существительных в зависимости от вида объединяемых объектов.

К средствам выражения категории собирательности в белорусском языке также относятся собирательные числительные, обозначающие некоторое количество предметов или лиц как единое множество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
2. Хвесько, С. Г. Морфонологические аспекты исследования производных существительных с суффиксом -ств- в отдельных белорусских и русских лингвистических работах / С. Г. Хвесько // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2023. – № 12 (114). – С. 55–57.
3. Ярмаш, М. І. Словаўтваральны тып з фармантам -ств-а ў зборных назойніках / М. І. Ярмаш // *Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук*. – 1977. – № 3. – С. 111–117.
4. Дегтярев, В. И. Категория числа в славянских языках: ист.-семант. исслед. / В. И. Дегтярев ; отв. ред. Ф. П. Филин. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1982. – 320 с.
5. Гардзей, Н. М. Фаналагічныя інтэрпрэтацыі А. І. Падлужнага і іх адлюстраванне ў акадэмічных граматыках беларускай мовы / Н. М. Гардзей // *Фанетычная праграма слова ў функцыянальна-стылістычным і эксперыментальным аспектах: сучасны стан і перспектывы : пр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 20–21 лістапада 2012 г.* – С. 230–237.
6. Марфемны слоўнік беларускай мовы: [каля 75 000 слоў] / А. М. Бардовіч, Л. М. Шакун. – 2-е выд., перапрацаванае і дап. – Мінск : Выш. шк., 1989. – 718 с.
7. Федарцова, К. Р. Асаблівасці акцэнталагічнага афармлення дыялектных двухскладовых назойнікаў мужчынскага роду / К. Р. Федарцова // *Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна*. – 2009. – № 3 (24). – С. 130–135.
8. Рудько, Т. В. Особенности выражения собирательного количества в белорусском и английском языках / Т. В. Рудько // *Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология*. – 2023. – № 3 (124). – С. 27–34.
9. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // *Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов*. – М. ; Л., 1952. – Т. 7. – С. 389–578.
10. Степукова, А. В. Логика и лингвистика о разделительности и собирательности / А. В. Степукова // *Научный диалог*. – 2016. – № 1 (49). – С. 106–118.
11. Реформатский, А. А. Число и грамматика / А. А. Реформатский // *Лингвистика и поэтика*. – 1987. – С. 76–87.
12. Еселевич, И. Э. Из истории категории собирательности в русском языке : очерки / И. Э. Еселевич. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 160 с.

13. Новиков, А. Л. Семантико-словообразовательная природа метонимии в русском языке / А. Л. Новиков, М. А. Рыбаков // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 3. – С. 63–69.
14. Пустошило, Е. П. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб.-метод. комплекс / Е. П. Пустошило. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 141 с. – URL: https://ebooks.grsu.by/pustoshilo_lang/3-slova-odnoznachnye-i-mnogoznachnye-ponyatie-polisemii-tipu-polisemii.htm (дата обращения: 18.09.2025).
15. Семянькевіч, А. В. Словаўтварэнне, семантыка, функцыі множналікавых назоўнікаў у сучаснай беларускай мове : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Семянькевіч Аксана Васільеўна ; НАН Беларусі , Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. – Мінск, 2021. – 350 л.
16. Семянькевіч, А. В. Назоўнікі pluralia tantum у сістэме субстантыўнай зборнасці / А. В. Семянькевіч // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI : сб. науч. ст. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев, 2020. – С. 95–100.
17. Семянькевіч, А. В. Адушаўлёныя назоўнікі pluralia tantum у граматычнай сістэме беларускай мовы / А. В. Семянькевіч // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сб. науч. ст. [по материалам Междунар. науч. конф., 27–28 окт. 2017 г., Могилев] / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев, 2018. – С. 59–63.
18. Сучасная беларуская мова : вучэб. дапам. / Л. М. Грыгор’ева [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор’евай. – Мінск : Выш. шк., 2011. – 622 с.

Поступила в редакцию 23.02.2026